

А.Н. Бондарь

УКРЕПЛЕННЫЕ ПУНКТЫ НА ТЕРРИТОРИИ МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕПРА И НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ ДЕСНЫ В КОНЦЕ IX — X в.

Особенностью политической системы зарождающегося государства является то, что ее функции выполняются главным образом военной организацией, дружиной. Она заменяет органы управления центральной власти, еще примитивные и слабо расчлененные: осуществляет сбор прибавочного продукта и его перераспределение, частично через контроль над внешней торговлей; выполняет сугубо военные функции: подчинение новых территорий и их интеграцию в государственную систему, охрану территории, на которую распространяется центральная власть, а также организацию походов, носящих как завоевательный, так и грабительский характер¹.

Основные события, связанные с образованием Древнерусского государства, разворачиваются в конце IX — X в. на территории Южной Руси, в так называемой «Русской земле» в узком смысле. На сегодняшний день ясно, что эта территория начала формироваться вокруг Киева на землях летописных полян². С разработкой данной проблематики встал вопрос о роли Днепровского Левобережья, в частности междуречья Десны и Днепра в процессах становления государственных структур.

Летописные сведения о территории Днепро-деснинского междуречья в конце IX — X в. скупы и фрагментарны. Из них нам известно о

¹ Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011. С. 23.

² Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 57, 64; Моця О.П. Південна «Руська земля». Київ, 2007. С. 12–34; Фетисов А.А. Складывание территории «Русской земли» по археологическим данным // Щавелев С.П. Феодосий Печерский — курянин. Курск, 2008. С. 163–169.

походе Олега на северян (под условным 884 г.)³, о двух городов Левобережья — Чернигова и Любеча (под 907 г.)⁴, о «перевесях» Ольги «по Десне» (под 947 г.), о полумифическом воеводе Претиче «с того берега Днепра» (под 968 г.)⁵. Вновь земли будущего ядра Черниговского княжества упоминаются лишь в первой четверти XI в. в связи с междоусобными войнами сыновей Владимира (1017 г. — битва при Любече, 1024 г. — битва при Листвене). Отдельные сведения можно почерпнуть из зарубежных источников. К примеру, Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» упоминает Чернигов (Чернигоги) и, вероятно, Любеч (Телеуцы)⁶. На этом данные письменных источников исчерпываются. В сложившейся ситуации археологические источники выходят на первое место и позволяют частично закрыть образовавшуюся историческую лакуну.

За более чем столетнюю историю археологических исследований данной территории накопился обширный археологический материал, с помощью которого можно с определенной долей условности реконструировать те социально-политические процессы, которые происходили на землях междуречья Десны и Днепра в конце IX — начале XI в.

Еще перед первыми исследователями встал вопрос об этническом облике населения этого региона в X в. М.С. Грушевский, основываясь на летописных данных и результатах раскопок В.Б. Антоновича и Д.Я. Самоквасова, пришел к выводу, что этот регион в предгосударственный период был заселен представителями племени «северь»⁷. Аналогичное мнение отстаивали Д.Я. Самоквасов и М.П. Добровольский⁸. Лишь в 40-х гг. XX в. Б.А. Рыбаков выдвинул предположение, что часть летописных полян в X в. проживала и на Днепровском Левобережье⁹. А с конца 50-х гг. XX в. началась научная дискуссия по данному вопросу. В ней в разное время приняли участие такие известные исследователи славяно-русских древностей, как А.Н. Насо-

³ПСРЛ. Т. II. Стб. 17.

⁴Там же. Стб. 22.

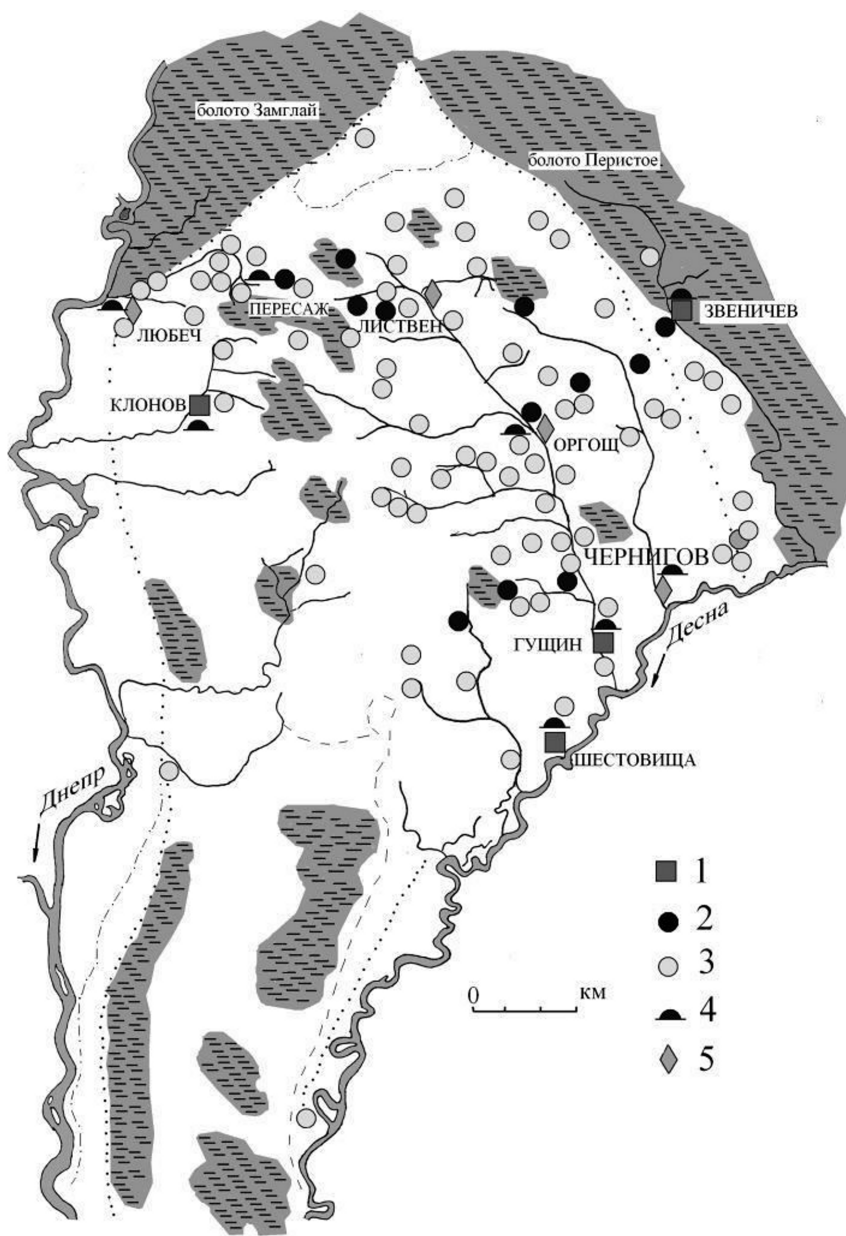
⁵ПСРЛ. Т. II. Стб. 54.

⁶Константин Багрянородный. Об управлении империей // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М., 2010. Т. 2 / Сост. М.В. Бибиков. С. 159.

⁷Грушевський М.С. Історія України-Руси. Київ, 1991. Т. 1. С. 190.

⁸Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городам и могилам. М., 1908; Добровольский П.М. Табаевские курганы (археологическая экскурсия). Чернигов, 1905.

⁹Рыбаков Б.А. Поляне и северяне (К вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре) // СЭ. 1947. № VI–VII. С. 81–82.

нов¹⁰, С.С. Ширинский¹¹, И.П. Русанова¹², А.К. Зайцев¹³, А.П. Моця¹⁴, В.П. Коваленко¹⁵, А.В. Григорьев¹⁶. Мнения ученых часто кардинально расходились. Так, И.П. Русанова, основываясь на погребальном обряде, расширила территорию полян на значительную часть Левобережья¹⁷. В противовес ей А.К. Зайцев, опираясь на труды А.Н. Насонова и свои наблюдения, признавал эту территорию за северянами. Причем, чтобы как-то оправдать кардинальные расхождения в материальной культуре населения Левобережья, он искусственно, на гипотетическом уровне, разделил северян на «западных» и «восточных»¹⁸. По мнению А.В. Григорьева, граница племени северян не доходила до нижнего и среднего течения Десны. Этому вопросу исследователь посвятил целый ряд публикаций, где вполне ясно изложил свою точку зрения, которая основана на материалах распространения древностей роменской культуры¹⁹. В.П. Коваленко, исследуя летописные города Чернигово-Северской земли, сделал попытку связать наиболее ранние этапы их

¹⁰Насонов А.Н. «Русская земля». С. 22, 61.

¹¹Ширинский С.С. Курганы X в. у д. Пересажа // КСИА. 1969 г. Вып. 120. С. 105; Ширинский С.С. Курганы полян у с. Седнев // АО 1967 г. М., 1968. С. 240.

¹²Русанова И.П. Курганы полян X–XII вв. М., 1966. С. 5–47 (САИ. Е1–24).

¹³Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 57–66.

¹⁴Моця О.П. Південна «Руська земля». С. 12–34; *Он же*. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. Київ, 1987 С. 106–124; *Он же*. Населения Південно-руських земель IX–XIII ст. (за матеріалами некрополів). Київ, 1993. С. 103–141; *Он же*. Українці: народ і його земля (етапи становлення). Київ, 2011. С. 53–99.

¹⁵Коваленко В.П. Происхождение летописных городов Чернигово-Северской земли (IX–XIII вв.) Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1983. С. 9–11.

¹⁶Григорьев А.В. О границе Руси и Северы в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів, 1993. С. 98–99; Григорьев А.В. О роменской и древнерусской керамике на Левобережье Днепра // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993. С. 76–82; Григорьев А.В. Сосница и Роменско-Русское пограничье в X в. // Минуле Сосниці та її околиць. Чернігів, 1990. С. 18–19.

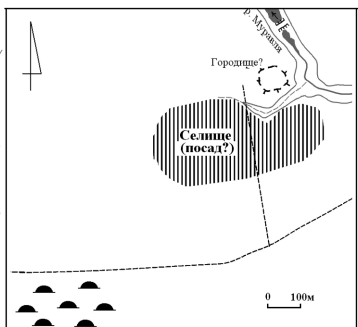
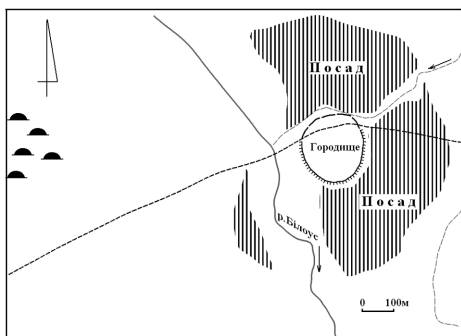
¹⁷Русанова И.П. Курганы полян. С. 25.

¹⁸Зайцев А.К. Черниговское княжество. С. 63–64.

¹⁹Григорьев А.В. О границе Руси. С. 99.

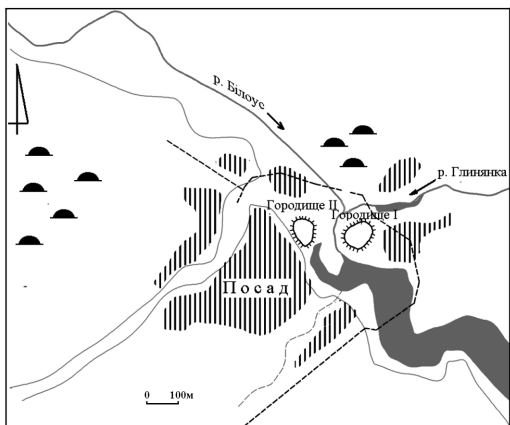
Рис. 1. Карта памятников конца IX — X вв. на территории междуречья Днепра и нижнего течения Десны (по Е.М. Веремейчик и А.В. Шекуну).

1. Городища с культурными слоями конца IX — X в.
2. Сельские поселения с культурными слоями конца IX — начала X в.
3. Сельские поселения с культурными слоями X в.
4. Дружинные курганные некрополи
5. Летописные города

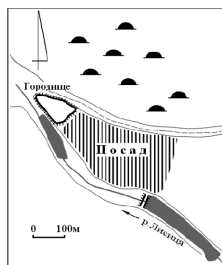

1

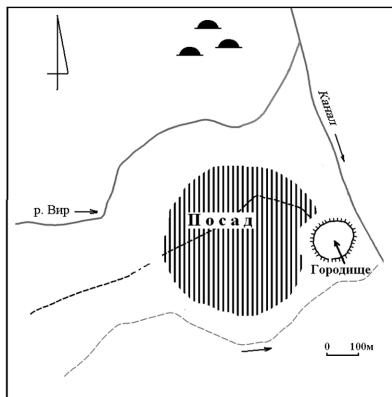
2

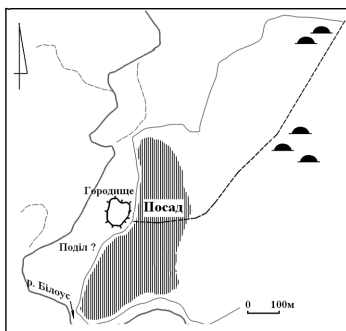
3

4

5

6

существования со славянскими племенными центрами, таким образом вписывая свою концепцию в общепринятую в то время схему²⁰.

Исследования территории нижнего течения Десны и Днепра дают возможность уточнить реконструкцию процесса распространения «киевской государственности» в X в. В центре внимания здесь должен быть ряд укрепленных поселений конца IX — X вв. на территории междуречья Десны и Днепра. К таким поселениям следует отнести археологические памятники древнерусского времени в сс. Выползов, Шестовица, Гушин, Звеничев, Клонов, Малый Листвен (летописный Листвен), Рогощи (летописный Оргощ) и, вероятно, Пересаж (Рис. 1–2). Все они имеют ряд общих социально-топографических признаков, по которым их можно объединить в один тип памятников. Однако их размеры и хронология несколько отличаются. Ученые пока не пришли к единому мнению и о том, как назвать данный тип памятников. Предлагались разные варианты: «открытые торговоремесленные поселения»²¹, «погосты»²², «дружинные лагеря»²³, «военизированные многофункциональные поселения»²⁴, «раннефеодальные замки»²⁵. Во избежание терминологических споров хочу пояснить, что в данной работе эти памятники будут называться укрепленными центрами начального этапа становления Древнерусского государства.

²⁰ Коваленко В.П. Головні етапи розвитку літописних міст Чернігово-Сіверської землі (IX–XIII ст.) // УїЖ. 1983. № 8. С. 120–125.

²¹ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 107.

²² Моця О.П. Погости в системі давньоруських наслених пунктів // Археологічні студії. Київ, Чернівці, 2003. Вип. 2.

²³ Шинаков Е.А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 307–311; Фетисов А.А., Щавелев А.С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. М., 2009. С. 12–85.

²⁴ Макушиников О.А. Гомельское Поднепровье в V — середине XIII в. Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель, 2009. С. 78–95.

²⁵ Брайчевський М.Ю. Аскольд — цар кївський // Михайло Брайчевський. Вибране. Київ, 2009. Т. II. С. 408–410.

Рис. 2. План-схемы пространственно-топографической структуры укрепленных центров конца IX — X в. на территории междуречья Днепра и нижнего течения Десны.

1. Археологический комплекс в сс. Рогощи и Табаевка.
2. Археологический комплекс близ с. Пересаж.
3. Археологический комплекс в с. Малый Листвен.
4. Археологический комплекс близ с. Клонов.
5. Археологический комплекс в с. Звеничев.
6. Археологический комплекс в с. Гушин.

Картографирование укрепленных центров междуречья Десны и Днепра конца IX—X в. показывает, что расположение памятников данного типа носит вполне системный характер и напрямую связано с водными путями. Так, Выползовский и Шестовицкий археологические комплексы расположены на берегу такой водной артерии, как р. Десна. Они контролировали судоходство по ней, также это был кратчайший водный путь из Киева в Чернигов²⁶.

В северной и северо-восточной частях междуречья наиболее ранними являются археологические комплексы в сс. Гушин, Малый Листвен, Рогощи и Звеничев. Неукрепленные поселения на их территории возникают на рубеже IX—X вв.

Территория междуречья Днепра и нижнего течения Десны в географическом плане представляет собой замкнутый анклав. С запада она ограничена р. Днепр, с востока — р. Десна, на севере от Днепра до р. Замглай (притока р. Десны) отрезана болотами Перистое и Замглайское, которые даже в наше время являются довольно серьезными природными препятствиями. Большая ее часть находится в центральном грабене Днепроовско-Донецкой впадины и представляет собой сплошные низины. Грунтовые воды в регионе находятся довольно близко к поверхности (1–3 м)²⁷. В центральной и северной частях междуречья в поймах больших и малых рек имеется значительное количество заболоченных низин. Южная часть этой территории представлена сплошными лесными массивами и заболоченностями. На картах XVIII—XIX вв. эти земли показаны как сплошное слабо заселенное болото, покрытое лесом. В древности северная и центральные части междуречья были также значительно залесены.

Городище в с. Гушин расположено на надпойменной террасе р. Белоус. Размер городищ невелик — 65 × 80 м. Вал опоясывал его по всему периметру. Под насыпью вала была выявлена постройка, существование которой по керамическому материалу можно определить временем не позднее первой половины X в. После гибели постройки сразу над ней возводятся оборонительные сооружения в виде срубной стены. Таким образом, датировать возведение этих фортификационных сооружений можно не позднее середины X в.²⁸ Особенностью данного городища является наличие помимо напольного внешнего еще и

²⁶ Коваленко В.П., Моця А.П., Сытый Ю.Н. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів, 2003. С. 56–77.

²⁷ Шекун О.В., Веремейчик О.М. Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів, 1999. С. 4–5.

²⁸ Коваленко В.П., Марченко В.Н. Гушинское городище близ Чернигова // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск, 1991. С. 46–48.

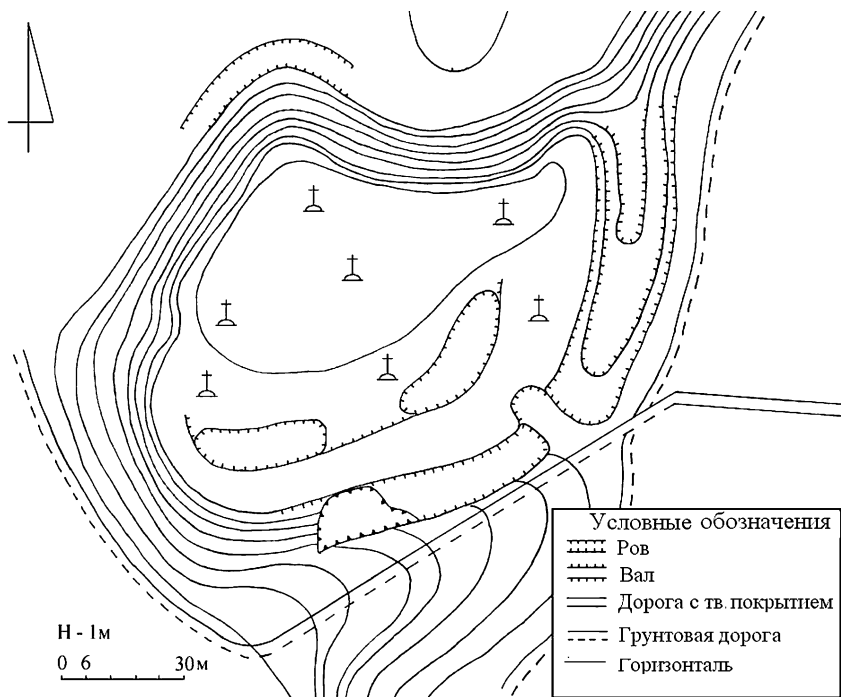

Рис. 3. Городище в с. Гущин (топосъемка автора, 2011 г.).

внутреннего рва (Рис. 3). К городищу с северной, восточной и южной сторон примыкал обширный неукрепленный посад до 9 га²⁹. За посадом, вдоль дороги на Чернигов располагался курганный могильник, который еще в конце XIX в. насчитывал более 120 насыпей³⁰. Вероятно, под городищем в пойме р. Белоус находился так называемый подол³¹.

Остатки летописного Оргоща (упомянут под 1159 г.) представлены комплексом археологических памятников в сс. Рогощи и Табаевка. Городище этого летописного пункта расположено на берегу р. Белоус. В плане оно было овальным, размером 180 × 200 м. Система фортификаций данной крепости почти не зависела от рельефа местности, деревоземляные укрепления (их остатки прослежены в виде валов) опоясывали площадку городища со всех сторон. Современная высота

²⁹ Бондар О., Терещенко О. Археологічні розвідки на території Чернігівського району у 2011 р. // Археологические исследования в еврорегионе «Днепр». Чернигов, 2012. С. 11.

³⁰ Самоквасов Д.Я. Могильня древности северянской Черниговщины. М., 1916. С. 77; Коваленко В.П., Марченко В.Н. Гущинское городище. С. 48.

³¹ Бондар О., Терещенко О. Археологічні розвідки. С. 12.

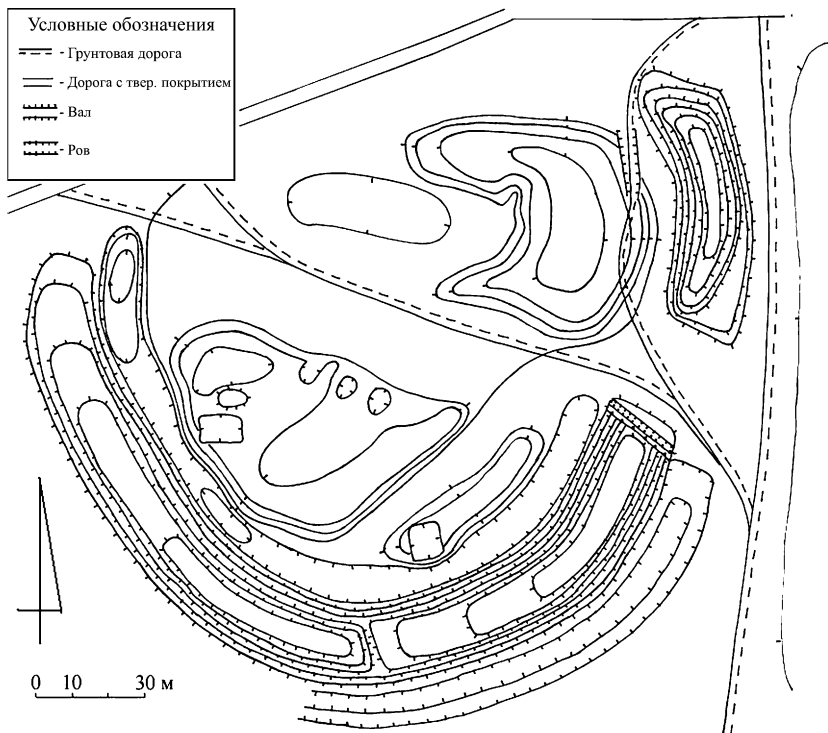

Рис. 4. Городище в с. Рогощи (топосъемка автора, 2011 г.).

валов Оргоща достигает 7 м, а глубина внешнего рва — до 3 м. Так же как и на Шестовицком и Гушинском комплексах, по внешнему краю площадки городища Оргоща проходит внутренний ров (Рис. 4). Что касается оборонительных сооружений, то разрезы валов, сделанные В.П. Коваленко, показали, что насыпь вала имеет три строительных периода³². Первый, вероятно, относится к первой трети — середине X в. и представлен какими-то легкими сооружениями, возможно, частоколом. Во второй половине X в. укрепления полностью перестраиваются. На месте легких фортификаций возводится срубная конструкция, состоящая из городни и примыкающей к ней клетки. Реконструкция этих укреплений показала, что высота стен до боевого помоста составляла 3 м, а при наличии закрытого боевого хода — 5 м (Рис. 5). Третий строительный период относится к XII–XIII вв.³³

³²Коваленко В.П. Отчет о исследованиях летописных городов на Черниговщине в 1981 году // Научный архив Института археологии НАН Украины. Чернигов, 1982. С. 22.

³³Бондар О. Спроба реконструкції укріплень літописного Оргощу (за матеріалами дослід-

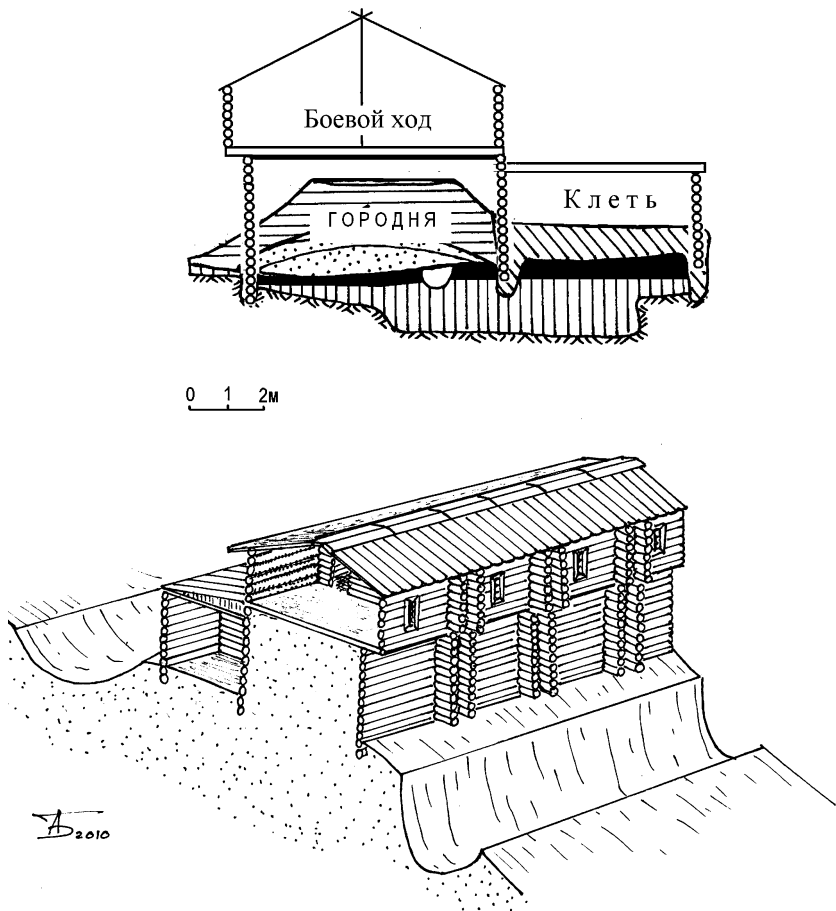

Рис. 5. Укрепления летописного Оргосца во второй половине X в. (реконструкция автора).

С южной, восточной и северной сторон к городищу примыкает обширное селище-посад, размер которого достигает 35 га³⁴. На противоположной стороне р. Белоус находится курганный могильник этого укрепленного пункта, который в конце XIX в. насчитывал более сотни курганов в трех группах³⁵. По наблюдениям А.П. Моци, в древне-

жень 1981 р.) // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Матеріали ІХ Міжнародної студентської археологічної конференції. Чернігів, 2010. С. 49–50.

³⁴ Бондар О., Терещенко О. Археологічні розвідки. С. 13.

³⁵ Константинович Н.А. О курганах Черниговского уезда // Труды третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Киев, 1878. С. 181–184.

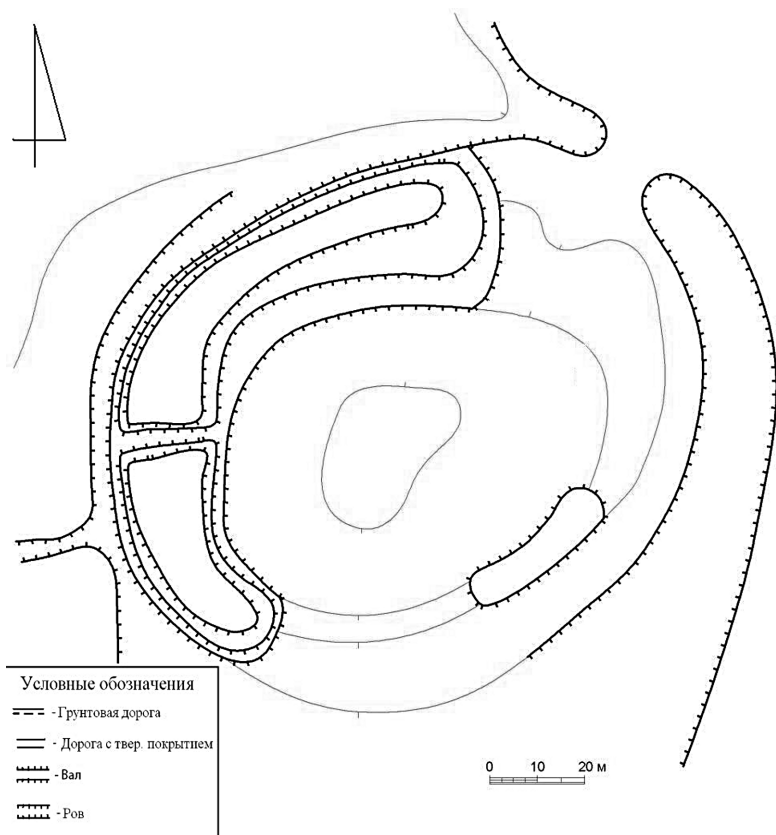

Рис. 6. Городище-I в с. Малый Листвен (топосъемка автора и Е.Н. Осадчего, 2012 г.).

русское время эти три группы являлись остатками одного большого курганного могильника³⁶.

На р. Белоус находился еще один укрепленный пункт X в. – летописный Листвен. В.П. Коваленко и А.В. Шекун локализовали его остатки возле с. Малый Листвен³⁷. Данный археологический комплекс состоит из двух городищ и нескольких неукрепленных селищ-посадков по обоим берегам реки. Существования городища-II хронологически относится к XII–XIII вв., а городища-I — ко второй половине X — началу XI в. Городище-I (Рис. 6) возникло на месте более раннего,

³⁶ Моця А.П. Табаевские курганы (по данным археологических исследований и материалам музейных фондов) // Тез. Черниговской обл. научно-методической конференции, посвященной 90-летию Черниговского исторического музея (декабрь, 1986 г.). Чернигов, 1986. С. 54–55.

³⁷ Коваленко В.П., Шекун А.В. Летописный Листвен (к вопросу о локализации) // СА. 1984. № 4. С. 62–74.

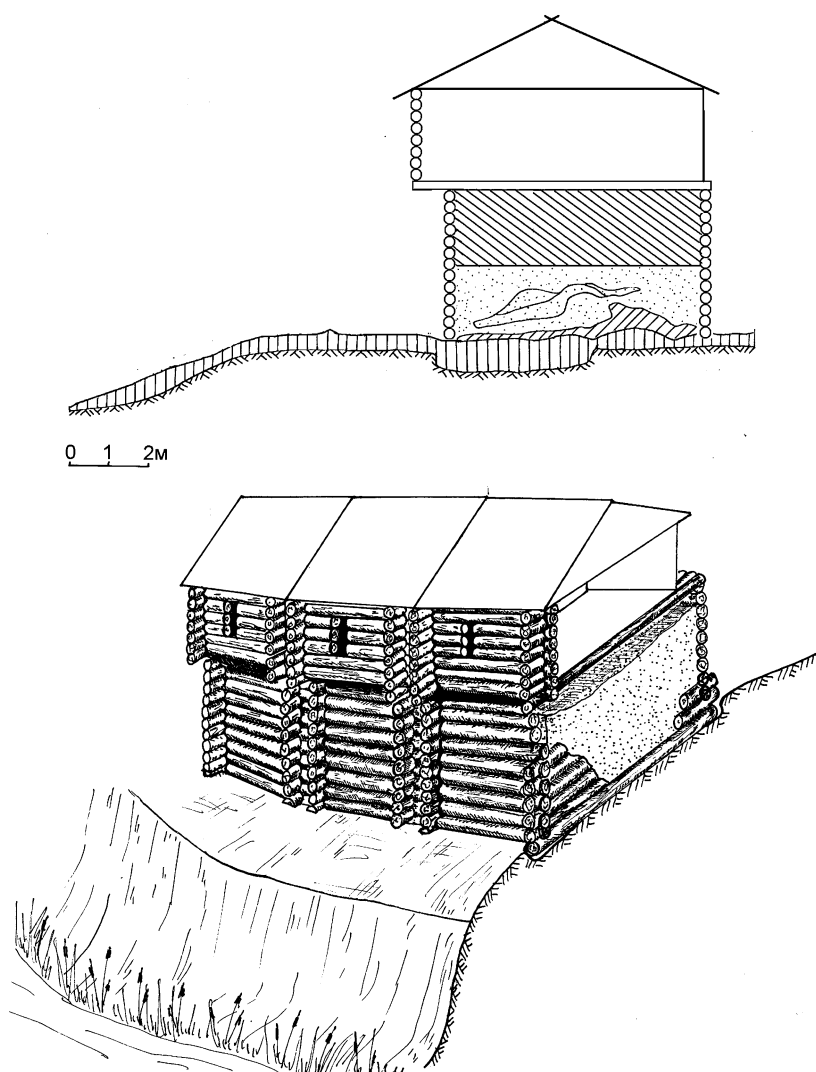

Рис. 7. Укрепления летописного Листвена в конце X в. (реконструкция автора).

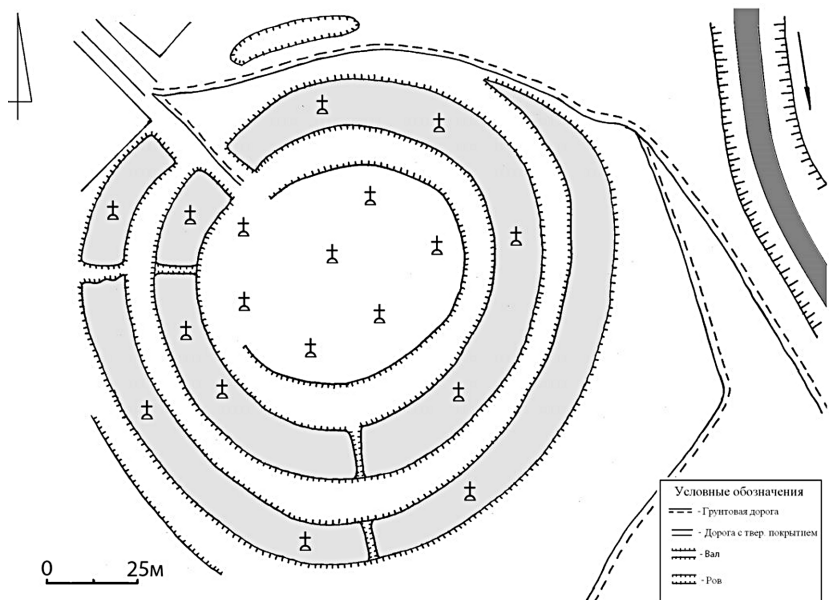

Рис. 8. Городище в с. Звеничев (топосъемка автора, 2010 г.).

вероятно, неукрепленного поселения первой половины X в. Оборонительные сооружения были представлены городней, заполненной грунтом. Примечательна сложность конструкции укреплений, которая состояла из срубов, поставленных перпендикулярно к площадке городища (Рис. 7). Возведение конструкций стен подобного типа требовало длительного времени и большого количества строительных материалов. Однако это оправдывалось с точки зрения долговечности и запаса прочности³⁸. Селища-посады с материалами X — начала XI в. находятся на обоих берегах р. Белоус и на левом берегу р. Глинянки. Общая их площадь составляет до 20 га³⁹. Курганный могильник был представлен, как минимум, двумя курганными группами по обоим берегам Белоуса, но до нашего времени не сохранился.

Еще один укрепленный археологический комплекс X в. находится в с. Звеничев на р. Замглай, являющейся северо-восточной границей междуречья Днепра и нижнего течения Десны. Его городище округлое в плане, а укрепления состоят из двух рядов валов и рвов (Рис. 8).

³⁸ Бондар О.М. Спроба реконструкції. С. 49–50.

³⁹ Шекун А.В. Отчет Черниговской археологической экспедиции. Охранные археологические исследования на территории Черниговской области в 1990 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1990/123. Чернигов, 1991. С. 11–19.

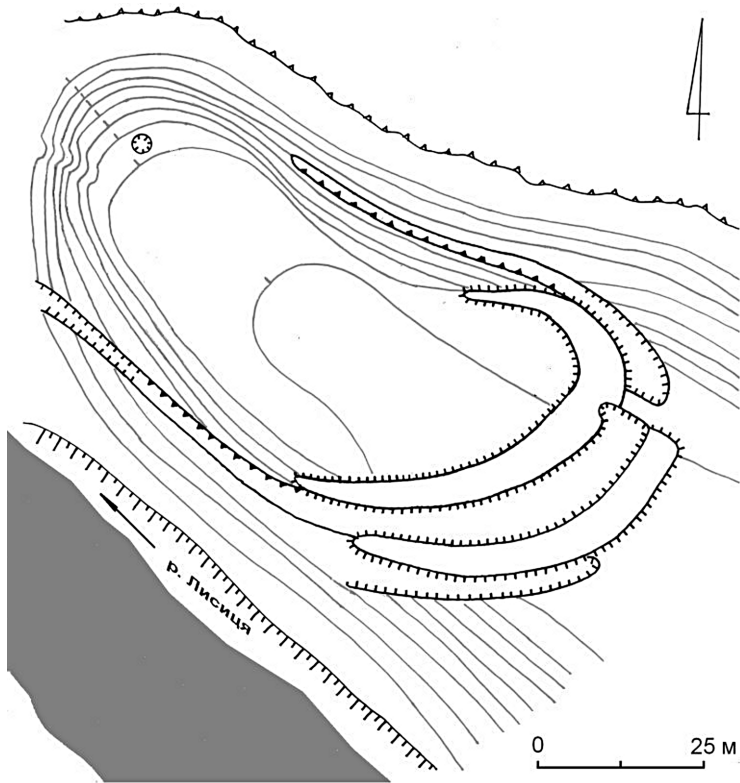

Рис. 9. Городище близ с. Клонов (топосъемка автора, 2010 г.).

Результаты разреза вала В.П. Коваленко и А.В. Шекуна показали, что возникло оно не позднее середины X в., также на месте уже существовавшего с начала X в. неукрепленного поселения⁴⁰. Оборонительные сооружения внутреннего вала были представлены городней и примыкающей к ней клетью. С севера, востока и юга городище было окружено болотом, а с запада к нему примыкал посад площадью около 10 га⁴¹. Курганный некрополь находился на противоположном берегу реки⁴².

Вероятно, позднее всех возникает укрепленный центр на р. Ворзле возле с. Клонов. Городище этого археологического комплекса невели-

⁴⁰ Коваленко В.П., Шекун О.В., Фомін О.В. Давньоруський Звеничів і скарб арабських дирхемів // Археологія. 1992. № 1. С. 60.

⁴¹ Коваленко В.П., Шекун О.В., Фомін О.В. Давньоруський Звеничів. С. 63; Бондар О.М. Обстеження пам'яток біля сіл Малий Листвен, Звеничів та Клонів Ріпкинського району Чернігівської області // Археологічні дослідження в Україні 2010 р. Київ; Полтава, 2011. С. 43–44.

⁴² Коваленко В.П., Шекун О.В., Фомін О.В. Давньоруський Звеничів. С. 60, 62.

ко, всего 0,3 га. В отличие от предыдущих памятников, оборонительные укрепления в виде валов и рвов находятся только с западной стороны, правда склоны мыса, на котором находится городище, эскарпированы почти на всю их длину (Рис. 9). Неукрепленный посад примыкал к городищу с востока, а его площадь равнялась 5,5–6 га. Курганный могильник, состоящий более чем из 200 насыпей, находится на противоположном берегу безымянного ручья⁴³.

Вероятно, к археологическим памятникам данного типа следует отнести и археологический комплекс у с. Пересажа. Он состоит из неукрепленного селища X — первой половины XI в. площадью до 7–8 га и курганного могильника (сейчас уничтоженного), который насчитывал 136 насыпей⁴⁴. Отсутствие укреплений позволило С.С. Ширинскому отнести данный памятник к сельским поселениям⁴⁵. Однако ни на одном сельском поселении данной территории не зафиксировано такого обширного курганного некрополя, так же как и предметов импорта и вооружения, в отличие от Пересажа. А разведочные работы 2011 г. позволили локализовать место вероятного городища (Рис. 2: 2)⁴⁶.

О разнообразной деятельности населения вышеперечисленных археологических памятников свидетельствуют многочисленные артефакты и объекты. Так, на наличие развитого ремесленного производства указывают находки разнообразных инструментов. Деревообрабатывающее дело представлено топорами, резцами для токарных станков, теслами, остатками ведер и др. О косторезном ремесле свидетельствуют заготовки и костяные изделия (стрелы, астрагалы, проколки, вероятно гребни и др.) (Рис. 10). Очень развиты были и вспомогательные промыслы, такие как рыболовство и охота. На данных памятниках присутствует целый ряд находок с ними связанных — рыболовные крючки, блесна, грузила для снастей, а также остатки диких животных и рыб. На Шестовицком комплексе особое место среди промыслов занимало смолокурение, поскольку смола была незаменимым материалом при строительстве и ремонте судов⁴⁷.

⁴³ Моця О.П. Курганный могильник X в. у с. Клонов // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Київ, 1988. С. 112–118; Бондар О.М. Обстеження пам'яток. С. 44.

⁴⁴ Ширинский С.С. Курганы X в. у д. Пересажа. С. 100.

⁴⁵ Там же. С. 106.

⁴⁶ Бондар О., Богуш О., Кравченко Р. Археологічні розвідки біля с. Пересажа Ріпкинського району Чернігівської області у 2011 р. // Археологические исследования в евровегионе «Днепр». Чернигов, 2012. С. 18.

⁴⁷ Скороход В.М. Просторова структура Шестовицького археологічного комплексу в урочищі Коровель в кінці IX — на початку XI ст. Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 2011. С. 13.

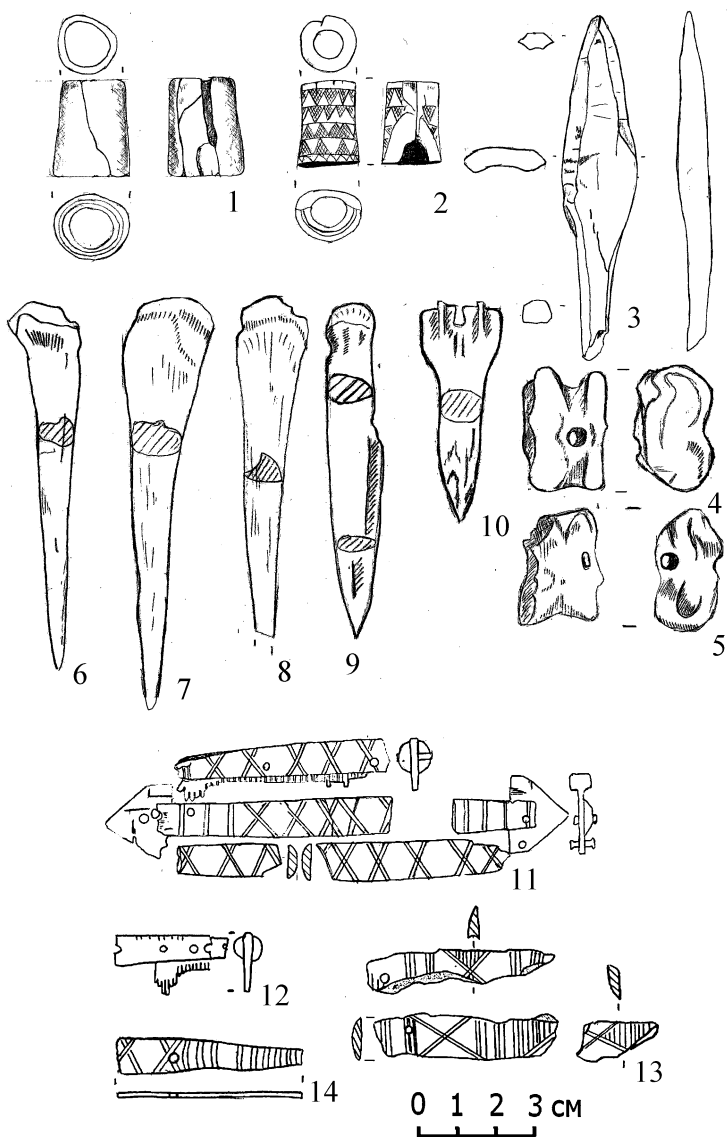

Рис. 10. Костяные изделия X — начала XI в.: 1, 2, 11 — Клонов, 3-10, 13 — Рогощи, 12 — Звеничев, 14 — Табаевка.

Отдельно следует упомянуть и о ювелирном ремесле. В 80-х гг. XX в. Р.С. Орлов, изучая ювелирное дело Южной Руси, пришел к выводу о существовании в X в. Левобережной (Черниговской) ювелирной школы⁴⁸. Детальное изучение материалов из построек на городище Оргоща дало возможность предположительно выделить среди них ювелирную мастерскую. В этой постройке были обнаружены остатки разнообразных мелких нарезок из медного сплава, а главное — фрагмент литейной формы и половинка ювелирного пинцета. Датируется этот комплекс второй половиной X — началом XI в. Также в одном из курганов раскопанных Д.И. Блительдом в Табаевке в 1949 г., обнаружена литейная форма сразу на шесть предметов — лунницу, поясную пряжку, две привески, пуговицу с ушком и поясное кольцо⁴⁹. Эти находки вполне подтверждают версию Р.С. Орлова.

Фрагменты наральников, кос-горбуш, серпов и жерновов в комплексах X — начала XI в. свидетельствуют о том, что население этих центров занималось земледелием. Наибольшее количество находок данной категории выявлено на Шестовицком комплексе, что может иметь два объяснения. С одной стороны, раскопанные площади в Шестовице значительно больше, чем на других памятниках. С другой стороны, у памятников северной части междуречья довольно обширная сельская округа, население которой обеспечивало жителей укрепленных центров всеми необходимыми продуктами сельского хозяйства, в отличие от Шестовицы, где такой округи не выявлено⁵⁰.

Многолетнее изучение данных памятников показало, что одной из основных отраслей экономической деятельности их жителей была торговля. Об этом свидетельствуют предметы импортного происхождения: бусы, византийские браслеты, подвески, морские раковины и пр. Но наиболее весомыми доказательствами являются находки весов, гирек и арабских дирхемов. Так, на археологических комплексах Гущина и Звеничева были выявлены монетно-вещевые клады, которые датируются серединой — второй половиной X в.⁵¹

⁴⁸ Орлов Р.С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 32–52.

⁴⁹ Блительдом Д.И. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. // Археологічні пам'ятки УССР. Київ, 1955. Т. 5. С. 12–21.

⁵⁰ Бондарь А.Н. «Дружинные лагеря» и их сельская округа в X — начале XI в. на территории междуречья нижнего течения Десны и Днепра // ВЕДС. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 25–29.

⁵¹ Коваленко В.П., Марченко В.Н. Гушинское городище. С. 47–48; Черненко О.Е. Археологічна колекція Чернігівського історичного музею імені В.В. Тарновського (1896–1948 рр.) // Скарбниця Української культури. Чернігів, 2007. Вип. 9. Спецвипуск 1. С. 60; Коваленко В.П., Шекун О.В., Фомін О.В. Давньоруський Звеничів. С. 65–70.

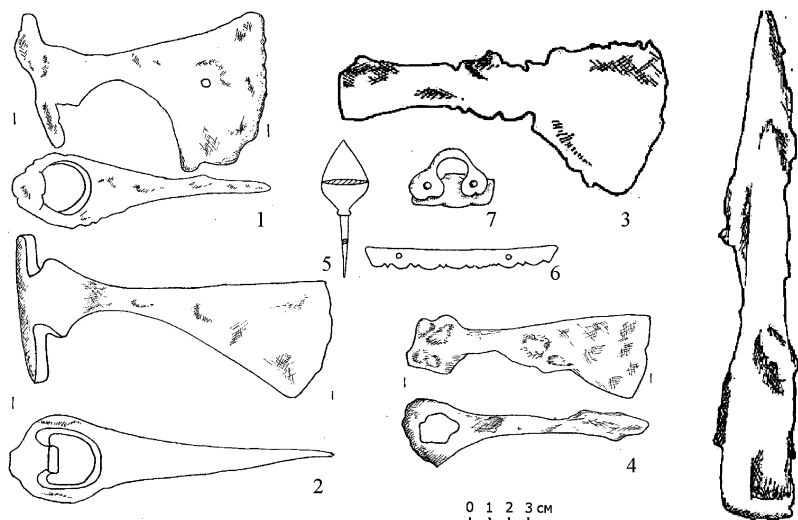

Рис. 11. Вооружение с курганных могильников: 1, 2, 6 — Табаевка, 4, 5 — Клонов, 7 — Звеничев, 3, 8 — Гушин.

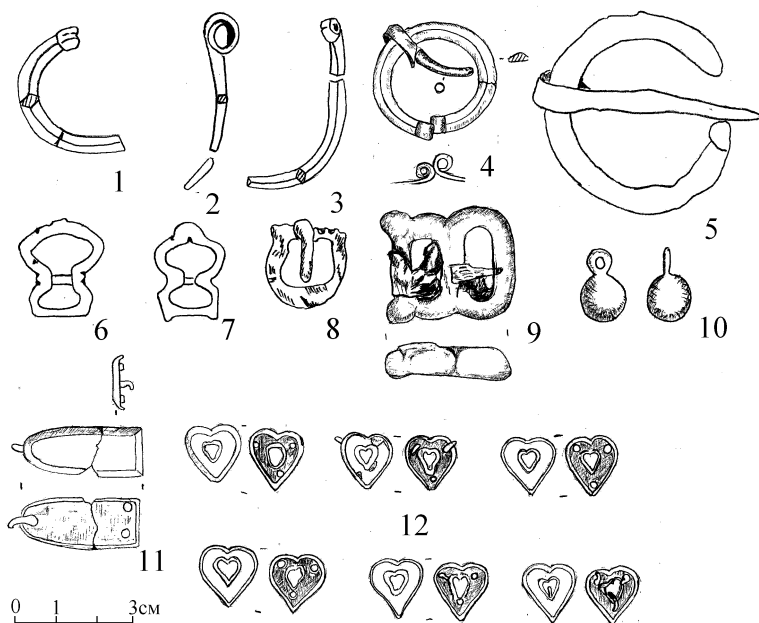

Рис. 12. Предметы дружинного быта: 1-4, 6-8 — Клонов, 5 — Рогощи, 6-12 — Табаевка.

Однако основной функцией подобных поселений было содержание дружинного контингента, что особенно ярко проявляется с середины — второй половины X в. На это указывает значительное количество предметов военного быта и вооружения, которое происходит из могильников, городищ и посадов. Среди раскопанных курганов с вооружением следует отметить «Большой курган» в Гушине. Под насыпью находилось камерное погребение, в котором был похоронен воин в кафтане с бронзовыми пуговицами. При нем был боевой топор, сходный по типу с топорами салтово-маяцкой культуры, копье, нож, сумка, аналогии которой имеются среди скандинавских древностей, серп, горшок и др. Рядом с покойником находился взнузданный конь, по бокам от которого лежали стремяна⁵². Камерные погребения с вооружением в виде топоров были исследованы на могильниках Табаевки, Клонова. Помимо этого в погребениях Табаевки, Клонова, а также Звеничева и Пересажа выявлены наконечники стрел, накладка на колчан (аналогичные накладки присутствуют в Гнездове, Шестовице и Чернигове), широколезвийные ножи⁵³ (Рис. 11). Отдельную категорию находок составляет конская сбруя, детали которой также найдены в значительном количестве. Среди находок, которые представляют воинский быт, значительное место занимают элементы, связанные с наборным поясом: пряжки, накладки, ременные концевики (Рис. 12). В.В. Мурашева связывает наличие подобных элементов костюма с представителями киевской великокняжеской дружины⁵⁴.

Судя по разнообразию погребального обряда на могильниках, население этих укрепленных пунктов было разноэтничным. Здесь присутствует как скандинавский компонент, так и угро-финский, и славянский. Сразу следует отметить, что количество скандинавских элементов на памятниках северной части рассматриваемой территории значительно уступает аналогичному показателю с Шестовицкого комплекса.

Как уже отмечалось, письменные источники мало информативны для данной территории X — начала XI в. Поэтому приходится прибегать к гипотетической историко-археологической реконструкции тех основных процессов, которые происходили в междуречье Днепра и нижнего течения Десны и отобразились в материальной культуре жителей укрепленных поселений в сс. Выползов, Шестовица, Гушин, Ро-

⁵² *Самоквасов Д.Я.* Могильные древности. С. 77.

⁵³ *Моця О.П.* Курганный могильник X в. у с. Клонов. С. 113–115; *Коваленко В.П., Шекун О.В., Фомін О.В.* Давньоруський Звеничів. С. 64; *Моця А.П.* Табаевские курганы. С. 54–55.

⁵⁴ *Мурашева В.В.* Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000. С. 94.

Рис. 13. Вариант реконструкции внешнего вида воина второй половины X в. по материалам курганного могильника в с. Табаевка (рисунок автора).

гощи, Листвен, Клонов, Звеничев и, вероятно, Пересажа. Естественно, данная реконструкция условна.

Еще в VIII в. на территории междуречья Десны и Днепра существовали немногочисленные поселения представителей древностей вольтынецово-сахновского круга. Однако к середине VIII в. все они прекращают свое существование⁵⁵. Судя по археологическим материалам, со второй половины VIII по вторую половину IX в. территория

⁵⁵ *Петрашенко В.А.* Вольтынецовская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Київ, 1990. С. 47–50; *Тертиловский Р.В.* Старожитності другої —

остається незаселеною. На розглянутих пам'ятниках древності середини VIII — кінця IX в. відсутні. Трудно сказати, що послужило причиною подібного «запустення» території, однак факт залишається фактом. В.А. Петрашенко, досліджуючи волинцевські древності на Правобережжя, прийшла до висновку, що вони з'являються там синхронно з їх зникненням в междуріччя Десни і Дніпра. Дослідниця зв'язувала це з невідомими нам процесами, що відбулися на території, підвладній Хазарському каганату⁵⁶. Подібні висновки були зроблені і Р.В. Терпиловським⁵⁷.

Але вже з другої половини IX в. на лівий берег починає проникати древнерусська культура. Найбільш ранні артефакти, характерні для неї, фіксуються на укріплених комплексах в с. Виползов⁵⁸ і с. Шестовица⁵⁹.

Поміж южного шляху по Десні, з кінця IX — початку X в., ймовірно, формується і північний. Останній берег свій почав в летописі Любече (вперше згаданий під 882 г.). Цей шлях проходив по рекам Муравле і Белоусу⁶⁰. Саме на берегах цих рек розташовані перші поселення з матеріалами рубежа IX–X вв.⁶¹

Процес будівництва фортифікацій продовжувався весь X в. Так, в північній частині междуріччя до середини X в. укріплюються поселення в Гуштині, Оргощі і Звеничеві. Через Звеничев проходив летописний шлях «в Радимичі»⁶². У нас немає можливості зв'язати ці процеси з діяльністю князя Ігоря. Однак більш ранні летописні повідомлення згадують про те, що Олег, зміцнившись в Києві, почав «городів ставити»⁶³. Ймовірно, укріплені пункти в Виползові і Шестовиці входили до числа цих «городів».

третьої чверті I тис. н. е. з околиць Чернігова // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007. С. 39–47.

⁵⁶Петрашенко В.А. Волинцевська культура. С. 50.

⁵⁷Терпиловський Р.В. Старожитності другої — третьої чверті I тис. С. 45–46.

⁵⁸Коваленко В.П., Скороход В.М. Виповзів — дружинний табір у нижньому Подесенні // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Серія: історичні науки. № 6. Чернігів, 2006. Вип. 73. С. 66–93.

⁵⁹Коваленко В.П., Моця А.П., Сытый Ю.Н. Археологічні дослідження Шестовицького комплексу в 1998–2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів, 2003. С. 56–65.

⁶⁰Шекун О.В. До вивчення стародавніх водних шляхів Чернігівської землі // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя: тез. допов. міжнар. наук. конф.. Київ, 1994. С. 39–40.

⁶¹Веремейчик Е.М. Сільські поселення Чернігівського Полісся кінця IX — першої половини XIII століття // Сільська Русь в IX–XVI століттях. М., 2008. С. 82–90.

⁶²Шекун А.В. Нові дані про летописний шлях «в радимичі» // Деснинські древності. Сб. мат-в міжгосударств. наук. конф., присвяченої пам'яті М.Ф. Заверняєва. Брянск, 2004. С. 28–32.

⁶³ПСРЛ. Т. II. Стб. 17.

В.П. Коваленко сделал попытку реконструировать события конца IX в., основанную на летописном сообщении 884 г. о походе князя Олега на северян. Исследователь пришел к выводу, что основное сражение между дружиной Олега и северянами произошло в летописном Сновске (совр. Седнев). Об этом, по его мнению, свидетельствует слой пожара на северянском городище в ур. Орешня⁶⁴. Однако, как бы ни была привлекательна данная гипотеза, к ней нужно относиться с определенной долей осторожности, поскольку исследованный участок был слишком мал, чтобы делать подобные выводы. Вместе с тем, следует согласиться с В.П. Коваленко, что с первой половины X в. в Сновске возникает уже древнерусская крепость с полиэтничным гарнизоном, а р. Снов становится природным рубежом между молодым Древнерусским государством и территорией северян⁶⁵.

О начале функционирования северного пути нет никаких письменных известий, однако можно предположить, что первые попытки его использования были сделаны после захвата Любеча в 882 г. С середины — второй половины X в. существовавшие укрепления в Шестовице и Оргоще перестраиваются⁶⁶. Возникают новые укрепленные пункты в Клонове и Листвене. Хронология существования этих памятников вполне увязывается с летописными сведениями о реформах княгини Ольги. Еще более обоснованным их существование выглядит во времена Святослава Игоревича. Именно его военные акции 60-х гг. X в., направленные против вятичей и Хазарского каганата, требовали сосредоточения на левом берегу Днепра большого количества дружин, а, соответственно, и мест для их содержания. На наличие княжеской дружины на Левобережье указывает присутствие княжеского воеводы Претича, который пришел спасать княжескую семью во время осады Киева печенегами в 968 г.⁶⁷ В свою очередь, территория нижнего междуречья Десны и Днепра должна была иметь экономический потенциал для содержания значительного числа воинов⁶⁸.

После военных походов Святослава укрепленные пункты междуречья были еще раз использованы во времена Владимира Святославича, в частности, в его кампаниях против радимичей и восточных северян. Прекращение активной военной экспансии со стороны древ-

⁶⁴ Коваленко В.П. Сновськ і «сновська тисяча» // Містечко над Сновом. Ніжин, 2007. С. 31–37.

⁶⁵ Там же. С. 37.

⁶⁶ Скорород В.М. Просторова структура Шестовицького археологічного комплексу. С. 6; Бондар О. Спроба реконструкції. С. 50.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 54.

⁶⁸ Бондарь А.Н. «Дружинные лагеря» и их сельская округа. С. 27–29.

нерусских правителей в начале XI в. хронологически совпадает с заиханием жизни на всех вышеперечисленных памятниках.

В данной историко-археологической реконструкции остается открытым вопрос о роли Чернигова. Уже в X в. его опоясывали несколько линий укреплений⁶⁹, а огромный курганный некрополь вокруг города указывает на интенсивность жизни⁷⁰. Археологические данные и письменные источники не могут дать ответ на вопрос о наличии черниговского княжеского стола в X в. Был ли Чернигов в конце IX — X в. одним из центров северян? Скорее нет, поскольку единичные находки древностей роменского круга⁷¹ не дают основания считать этот город племенным центром. Вероятнее всего, Чернигов изначально возникает как один из основных центров Русской земли с общей для нее древнерусской культурой. Однако эта гипотеза требует дальнейшей разработки и проверки.

Таким образом, весь X в. на территории междуречья Днестра и нижнего течения Десны происходили процессы заселения и освоения водных и сухопутных путей. Залогом успешного завершения этих процессов стало существование укрепленных пунктов, таких как археологические комплексы в сс. Выползов, Шестовица, Гуцин, Рогощи, Клонов, Листвен, Звеничев и, возможно, Пересаж. Накопление демографических, экономических и военных ресурсов на этой территории позволило киевским правителям во второй половине X в. развернуть масштабные военные акции против еще не покоренных славянских племен северян, вятичей, радимичей и выйти в бассейны р. Сейма, Сожи, Оки и Дона.

ЛИТЕРАТУРА

Бліфельд Д.І. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1955. Т. 5.

Бондар О. Спроба реконструкції укріплень літописного Оргощу (за матеріалами досліджень 1981 р.) // Середньовічні старожитності

⁶⁹ *Бондар О.М., Ситий Ю.М.* Давньоруські укріплення Північного Лівобережжя часів становлення держави // Восна історія Середньої Наддніпряниці. Київ, 2012. С. 49–51.

⁷⁰ *Скороход В.Н.* Топографія Чернігова та Шестовиці в X — початку XI ст. (порняльна характеристика) // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007. С. 125–132.

⁷¹ *Казаков А.Л., Черненко Е.Е.* Черниговский детинец IX–XIII вв. в свете новых археологических материалов // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії. С. 119–123.

Центрально-Східної Європи: Матеріали ІХ Міжнар. студентської археологічної конф. Чернігів, 2010.

Бондар О.М. Обстеження пам'яток біля сіл Малий Листвен, Звеничів та Клонів Ріпкинського району Чернігівської області // Археологічні дослідження в Україні 2010 р. Київ; Полтава, 2011.

Бондарь А.Н. «Дружинные лагеря» и их сельская округа в X — начале XI в. на территории междуречья нижнего течения Десны и Днепра // ВЕДС. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012.

Бондар О., Богуш О., Кравченко Р. Археологічні розвідки біля с. Пересаж Ріпкинського району Чернігівської області у 2011 р. // Археологические исследования в еврорегионе «Днепр». Чернигов, 2012.

Бондар О., Терещенко О. Археологічні розвідки на території Чернігівського району у 2011 р. // Археологические исследования в евро-регионе «Днепр». Чернигов, 2012.

Бондар О.М., Ситий Ю.М. Давньоруські укріплення Північного Лівобережжя часів становлення держави // Военна історія Середньої Наддніпряни. Київ, 2012.

Брайчевський М.Ю. Аскольд — цар київський // Михайло Брайчевський. Вибране. Київ, 2009. Т. II.

Веремейчик Е.М. Сельские поселения Черниговского Полесья конца IX — первой половины XIII века // Сельская Русь в IX–XVI веках. М., 2008.

Григорьев А.В. О границе Руси и Северы в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів, 1993.

Григорьев А.В. О роменской и древнерусской керамике на Левобережье Днепра // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.

Григорьев А.В. Сосница и Роменско-Русское пограничье в X в. // Минуте Сосниці та її околиць. Чернігів, 1990.

Грушевський М.С. Історія України-Руси. Київ, 1991. Т. 1.

Добровольский П.М. Табаевские курганы (археологическая экскурсия). Чернигов, 1905.

Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.

Казаков А.Л., Черненко Е.Е. Черниговский детинец IX–XIII вв. в свете новых археологических материалов // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007.

Коваленко В.П. Головні етапи розвитку літописних міст Чернігово-Сіверської землі (IX–XIII ст.) // Уіж. 1983. № 8.

Коваленко В.П. Отчет о исследованиях летописных городов на Черниговщине в 1981 году // Научный архив Института археологии НАН Украины. Чернигов, 1982.

Коваленко В.П. Происхождение летописных городов Чернигово-Северской земли (IX–XIII вв.) Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1983.

Коваленко В.П. Сновськ і «сновська тисяча» // Містечко над Сновом. Ніжин, 2007.

Коваленко В.П., Марченко В.Н. Гушинское городище близ Чернигова // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск, 1991.

Коваленко В.П., Моця А.П., Сытый Ю.Н. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів, 2003.

Коваленко В.П., Скороход В.М. Виповзів — дружинний табір у нижньому Подесенні // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Серія: історичні науки. № 6. Чернігів, 2006. Вип. 73.

Коваленко В.П., Шеқун А.В. Летописный Листвен (к вопросу о локализации) // СА. 1984. № 4.

Коваленко В.П., Шеқун О.В., Фомін О.В. Давньоруський Звеничів і скарб арабських дирхемів // Археологія. 1992. № 1. С. 60.

Константин Багрянородный. «Об управлении империей» // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М., 2010. Т. 2 / Сост. М.В. Бибииков.

Константинович Н.А. О курганах Черниговского уезда // Труды третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Киев, 1878.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Макушиников О.А. Гомельское Поднепровье в V — середине XIII в. Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель, 2009.

Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011.

Моця О.П. Населення Південно-руських земель IX–XIII ст. (за матеріалами некрополів). Київ, 1993.

Моця О.П. Українці: народ і його земля (етапи становлення). Київ, 2011.

Моця А.П. Табаевские курганы (по данным археологических исследований и материалам музейных фондов) // Тез. Черниговской обл.

научно-методической конф., посвященной 90-летию Черниговского исторического музея (декабрь, 1986 г.). Чернигов, 1986.

Моця О.П. Курганный могильник X в. у с. Клонов // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Київ, 1988.

Моця О.П. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. Київ, 1987

Моця О.П. Південна «Руська земля». Київ, 2007.

Моця О.П. Погости в системі давньоруських наслених пунктів // Археологічні студії. Київ, Чернівці, 2003. Вип. 2.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

Орлов Р.С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М., 1984.

Петрашенко В.А. Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Київ, 1990.

Русанова И.П. Курганы полян X–XII вв. М., 1966 (САИ. Е1–24).

Рыбаков Б.А. Поляне и северяне (К вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре) // СЭ. 1947. № VI–VII.

Самоквасов Д.Я. Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1916.

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городам и могилам. М., 1908.

Скороход В.М. Просторова структура Шестовицького археологічного комплексу в урочищі Коровель в кінці IX — на початку XI ст. Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 2011.

Скороход В.Н. Топографія Чернігова та Шестовиці в X — початку XI ст. (порівняльна характеристика) // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007.

Терпиловский Р.В. Старожитності другої — третьої чверті I тис. н. е. з околиць Чернігова // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007.

Фетисов А.А. Складывание территории «Русской земли» по археологическим данным // *Щавелев С.П.* Феодосий Печерский — курянин. Курск, 2008.

Фетисов А.А., Щавелев А.С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. М., 2009.

Черненко О.Е. Археологічна колекція Чернігівського історичного

музею ім. В.В. Тарновського (1896–1948 рр.) // Скарбниця Української культури. Спецвипуск 1. Чернігів, 2007. Вип. 9.

Шекун А.В. Новые данные о летописном пути «в радимичи» // Деснинские древности. Сб. мат-в межгосударств. науч. конф., посвященной памяти М.Ф. Заверняева. Брянск, 2004.

Шекун А.В. Отчет Черниговской археологической экспедиции. Охранные археологические исследования на территории Черниговской области в 1990 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1990/123. Чернигов, 1991.

Шекун О.В. До вивчення стародавніх водних шляхів Чернігівської землі // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя: тез. допов. міжнар. наук. конф. Київ, 1994.

Шекун О.В., Веремейчик О.М. Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів, 1999.

Шинаков Е.А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004.

Ширинский С.С. Курганы полян у с. Седнев // АО 1967 г. М., 1968.

Ширинский С.С. Курганы X в. у д. Пересажа // КСИА. 1969 г. Вып. 120.

РЕЗЮМЕ

В X в. в Южной Руси происходило формирование территории «Русской земли». В этом процессе одну из главных ролей сыграли укрепленные поселения в сс. Выползов, Шестовица, Лисвен, Рогощи, Гушин, Звеничев, Клонов и Пересажа. Социальный состав населения этих археологических комплексов был определен благодаря раскопкам на поселениях и могильниках. Поселенцы занимались ремеслами, торговлей, частично были заняты в сельском хозяйстве, но основной функцией данных поселений была военная. Их гарнизоны контролировали водные и сухопутные дороги. Оргощ и Листвен находились на пути между двумя городами Южной Руси — Черниговом и Любечем, а Звеничев замыкал единственный путь «в Радимичи», который проходил через Замглайское болото. Именно воины из этих укрепленных центров участвовали в покорении и включении в Древнерусское государство племен северян, радимичей и вятичей.

Ключевые слова: Русь, укрепленные поселения, военные гарнизоны, ремесло, торговля, пути.

ABSTRACT

In the Southern Rus' the tenth century is characterized by the formation of the territory of the Russian state. Fortified settlements like those excavated in the villages of Vypolzov, Shestovitsa, Listven, Rogoschi, Gushchin, Zvenichev, Clonov and Peresazh played a major role in this process. Social composition of the population of these settlements was defined basing on the materials from necropolises and settlements as consisting of craftsmen, merchants, peasants, but mainly of warriors. Military service was the main function of their inhabitants. They controlled the water and land routes that crossed the surveyed territory. Orgosch and Zvenichev were located between two early cities of Southern Rus', Chernigov and Lyubech, and Zvenichev controlled the only route "to the Radimichi" through the bogs of Zamglay. The warriors of these settlements were involved in subjugation of Slavic tribes of Severyans, Radimichi and Vyatichi to the Kievan princes.

Key words: Rus', fortified settlements, garrisons, craft, trade, routes.